

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

М. Трудолюбов

Виртуальная страна

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Trudolyubov_50.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Виртуальная страна

Чем больше люди говорят между собой, тем активнее становятся. Чем напряженнее общественная дискуссия, тем вернее социальные, а возможно, и политические изменения в будущем. Так я привык думать, опираясь в основном на собственные школьные воспоминания о 1980-х годах. Тогда была дискуссия, все читали газеты и журналы, а потом случились перемены — политические, с глубокими социальными последствиями. Необходимость отказа от плановой экономики и перехода к рынку была осознана во время бесчисленных споров в прессе и вокруг нее. Так же была осознана и необходимость отказа от имперской политики, подкрепленная еще и экономической невозможностью содержать государства-клиенты в Центральной Европе и по всему миру.

Так — напрямую — связаны слово и дело, привык я думать. То, что сказано убедительно, вполне может воплотиться в будущем. Вроде бы и сейчас нарастает общественная дискуссия — в новых современных формах, позволяющих не замечать ограничений свободы слова. Дискуссия переключалась в Интернет. Возможность опубликовать какое угодно мнение и какой угодно призыв не ограничена ничем. Возможность дать знать о своем мнении или призыве большому количеству людей ограничена только способностями автора быть убедительным. Чем больше у твоего блога друзей и читателей, тем он «эффективнее». Так ли это?

Но главный, для меня, вопрос все-таки такой: можно ли сравнивать общественную дискуссию конца 1980-х, проходившую в «старых» СМИ, с дискуссией сегодняшнего дня, идущей в совершенно других условиях да еще и при посредстве «новых» СМИ? Может ли общество, вооруженное доступом к Интернету, чего-либо добиваться от государства? Может ли рассчитывать на лучшую защиту своих прав? Можно ли надеяться (или опасаться), что, придя к новому пониманию положе-

*Максим Трудолобов,
редактор отдела
«Комментарии»
газеты «Ведомости»*

Виталий Комар и Александр Меламид. Двойной автопортрет в образе пионеров. 1982–1983

ния в стране, люди снова будут готовы к политическим изменениям? Интуитивно кажется, что именно так и обстоит дело. Но в действительности согласия между учеными и специалистами нет.

Интернет как инструмент гражданской и политической активности еще предстоит по-настоящему изучить.

Не только в России, но и в мире есть множество энтузиастов «новых» и «социальных» медиа —

публичных блогов и социальных сетей, позволяющих обмениваться мнениями и общаться на любые темы. Принципиально важно и то, что это не только разговоры. Теперь, благодаря социальным сетям, общение гораздо легче, чем раньше, может перерасти в действие. Марина Литвинович, гражданский активист и популярный блоггер, рассказывает, что ей в разгар скандала вокруг рядового Сычева удалось за один день собрать на демонстрацию к Министерству обороны 400 человек с помощью одной записи в LJ. Она и другие общественно активные пользователи Интернета напоминают о демонстрациях на Украине и в Молдавии, координировавшихся с помощью СМС и Интернета, о бирманских монахах, вооруженных цифровыми камерами и телефонами, о филиппинских студентах, совершающих «смс-революцию».

Виртуальное гражданское сообщество

Речь не только и не столько о политических протестах, сколько о гражданской активности в повседневных делах. Когда пьяный майор, начальник одного из территориальных отделов милиции, Денис Евсюков в апреле

прошлого года устроил стрельбу на улице и в магазине, убив двоих и ранив семерых человек, были опасения, что все пойдет как обычно. Как обычно — это когда милиционеры-

Чтобы глухое недовольство выразилось в каком-то действии, событие должно задевать эмоции как можно большего числа людей

преступники получают условные сроки, а их начальники остаются работать на своих местах.

Но волна возмущения, поднятая в блогосфере и свободной прессе, на этот раз была такой, что власти были вынуждены сделать хоть что-то. Начальник московской милиции генерал-полковник Владимир Пронин и непосредственный начальник майора были уволены. «Если бы мы не подняли шум, не было бы сделано и этого, — уверена Марина Литвинович. — Возмущены были и оппозиционеры и консерваторы».

Чтобы обычное у нас глухое недовольство выразилось в каком-то действии, а в идеале стало бы кампанией с конкретными требованиями, событие должно задевать эмоции как можно большего числа людей, — говорит Литвинович. — Это должна быть очень эмоциональная история. В случае с Евсюковым возмущены были все — и оппозиционеры, и лоялисты. Возможно, это тоже сыграло роль — выступления блоггеров звучали более убедительно именно потому, что не были связаны с политической ориентацией выступавших. Интернет стал для гражданских и политических активистов незаменимым инструментом.

Если бы не проведенная в Интернете кампания по сбору подписей, не вышла бы досрочно на свободу отсидевшая по делу ЮКОСа около пяти лет Светлана Бахмина, мать двоих детей, родившая в заключении третьего. Если бы не отважная деятельность хакасского журналиста и блоггера Михаила Афанасьева, властям, по видимому, удалось бы скрыть истинные масштабы аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. Подобных примеров становится все больше.

И все-таки энтузиазм по поводу Интернета должен быть осторожным. По данным «Левада-центра», Интернет является источником информации лишь для 9% россиян — в среднем. В Москве эта доля — 30%. Аудитория самой популярной социальной сети достигает 16 млн человек, но лишь меньшинство из них интересуются серьезными новостями и вступают в дискуссии по общественно значимым темам. Т.е. 85% населения, для которых главным источником информации остается телевидение, как правило, ничего не знают о кампаниях протеста, которые представляются членам интернет-сообщества «бурными». Число подписей, собранных за досрочное освобождение Бахминой, не достигло 100 000, а это была самая успешная интернет-акция последнего времени. На реальные акции протеста, проходящие на улицах и площадях, собираются сотни, редко тысячи людей.

Ядро дискуссии

Дело не в количестве, а в качестве аудитории, говорят энтузиасты. Большинство российских журналистов, работающих в свободной прессе, активистов всех направлений и просто общественно активных людей присутствуют в сети. Причем подавляющее

большинство из них ведут (или читают) блоги на платформе *livejournal.com*. Люди, ответственные за мониторинг прессы для президента и премьер-министра, внимательно следят за круговоротом информации и мнений в блогосфере — тоже прежде всего на LJ. Темы, поднятые популярными блоггерами, мгновенно попадают в сферу внимания свободной прессы, потому что журналисты читают, а часто и сами пишут блоги именно на этой платформе. Событие быстро становится «темой», и власти воспринимают это как сигнал. Круг людей, увлеченных общественно-политической проблематикой невелик, но он на виду. Изгнав значительное число тем и персон из массовых медиа, власти сами способствовали появлению «островов», где концентрация этих тем особенно высока. Теперь тем, кто мониторит прессу, приходится внимательно следить за Интернетом. Именно поэтому гражданские кампании в сети в принципе могут быть действенными.

В этом особенность российской интернет-среды. Брюс Этинг, руководитель проекта «Интернет и демократия» в Беркмановском центре Гарвардского университета, работающий сейчас над исследованием российской блогосферы, подтверждает: ядро дискуссии на политические и общественно значимые темы расположено в LJ. Лишь небольшая часть из 890 000 активных блогов российского Интернета (для сравнения: в США около 7 млн активных блогов, в Иране — около 60 000) посвящена политическим или общественным темам, но практически все они «живут» на одной платформе, остальные — на всех прочих. Любопытно и то, что россияне в своем сетевом поведении объединили общее (пуб-

личные блоги) и частное (общение на частные темы). Во всех других национальных интернет-сообществах эти сферы разделены: блоги публикуют на открытых платформах, предназначенных только для написания и чтения блогов, а общаются люди в социальных сетях, таких как *Facebook*, *Twitter* и пр.

принадлежности. То есть прогрессивные судьи Татарстана публично сформулировали то, о чем все мы подозревали: чиновники являются особой социальной группой. Как дети, пен-

*Важно понимать,
что никакого магического решения
блогосфера и социальные сети
не предлагают*

Ответ государства

Публичная деятельность в сети — не безобидное занятие в России и других недемократических странах. Излюбленный российскими правоохранительными органами способ преследования блоггеров — обвинения в возбуждении ненависти к представителям власти. Используются для этого статьи о клевете (ч. 2 ст. 129) и об экстремизме (ч. 1 ст. 282) Уголовного кодекса. Подобные дела открываются, как правило, не в Москве. Один из последних характерных примеров — приговор в ноябре 2009 г. к 1 году и 9 месяцам колонии Ирека Муртазина за клевету и публичное возбуждение ненависти к представителям власти как к социальной группе.

Преследование Муртазина, на рубеже 1990-х и 2000-х работавшего пресс-секретарем президента республики Минтимера Шаймиева, началось после того, как он опубликовал в своем блоге сообщение о смерти Шаймиева. Клеветой суд признал мнение Муртазина о коррупции в республиканском правительстве, высказанное в его блоге, газетных статьях и в книге о Шаймиеве. Там же Муртазин распространял «негативную информацию» о представителях республиканской власти. Суд счел это возбуждением вражды по признаку социальной

сионеры или инвалиды. Им нужно уступать место в общественном транспорте, если они вдруг там обнаружатся, а не писать о них в блогах.

С Муртазиным обошлись жестко, но это далеко не первое дело такого типа. В июле 2008 г. за разжигание ненависти к социальной группе сотрудников милиции к году тюрьмы условно был приговорен блоггер из Сыктывкара Савва Терентьев. Такой же приговор был вынесен самарскому блоггеру Дмитрию Кирилину за «публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». А вот уголовное дело об экстремизме в отношении кемеровского активиста движения «Оборона» Дмитрия Соловьева на днях было закрыто местным управлением СКП РФ. Соловьева также обвиняли по ч. 1 ст. 282 УК за критические отзывы в блоге о работе сотрудников МВД и ФСБ, но две группы экспертов не обнаружили в текстах признаков экстремизма.

Интересно, что российские правоохранители рассматривают Интернет как продолжение СМИ: с блоггерами борются, как правило, так же, как с журналистами. Против тех и других применяется «экстремистская» 282-я статья, которая, как и предсказывали правозащитники, в силу своей широты, вполне

может использоваться в целях цензуры. Полиции других авторитарных государств подходят к делу пресечения нежелательной активности более творчески. Социальные медиа — находка не только для оппозиции, но и для спецслужб, напоминает Евгений Морозов, исследователь из Джорджтаунского университета, работающий над книгой об Интернете и демократии. Открытость и анонимность Интернета, которые так помогают активистам и оппозиционерам, точно так же помогают и правительствам. В статье «Как диктаторы следят за нами в сети» (журнал *Prospect*, декабрь 2009) Морозов рассказывает о том, как власти действуют в его родной Белоруссии. Спецслужбы начали отслеживать обмен информацией между участниками флэш-мобов и их организаторами на LJ. Сотрудники органов стали появляться на митингах раньше самих участников. Они не только задерживали мобберов, но и фотографировали их, затем допрашивали, угрожали исключением из вузов или даже уголовными обвинениями. Скоро у большинства студентов пропало желание участвовать в акциях, остались лишь крайние радикалы.

Мария Корина Мачадо, лидер гражданского общественного движения *Sumate* (Присоединяйся. — исп.) в Венесуэле, рассказывает, что после первой успешной акции движения — сбора подписей в пользу референдума об ограничении срока пребывания Уго Чавеса у власти, один из депутатов национального собрания (депутат от правящей партии) вывесил имена всех подписавшихся в Интернете. Этот список мгновенно стал проблемой для множества подписавшихся. Государственные организации получили указание находить нелояльных сотрудников и ставить их на особый контроль или увольнять. «Это было тяжелейшим ударом для нас, —

говорит Мачадо. — Простые граждане, поддержавшие нас с самого начала, вдруг осознали, что могут стать жертвами репрессий, лишь поставив свою подпись вместе с миллионами других граждан».

Социальные сети сильно облегчили работу правительствам и их спецслужбам. Простой анализ списка друзей на *Facebook* позволяет многое узнать о человеке, в частности, не так сложно выявить его сексуальную и политическую ориентацию. В некоторых авторитарных странах проблемой для человека может стать и то, и другое. Возможны и более сложные акции. Морозов приводит примеры частных компаний в Китае, занятых разработкой программного обеспечения для мониторинга антиправительственной деятельности в сети. Вот, например, китайская компания *TRS Technologies* рекламирует свои услуги так: «Благодаря нашим технологиям, работу десяти интернет-полицейских может выполнять всего один».

Без иллюзий

Все это больно слышать. Я, как и многие другие, был склонен думать, что новые медиа дадут нам шанс на возрождение общественной дискуссии. Ведь когда-то именно благодаря СМИ у общества открылись глаза и оно сделало свой политический выбор. Последствия того выбора многих разочаровали, но воспоминание о едином духовном порыве осталось. Сознательно или подсознательно мы все ждем его возвращения.

Похоже, такого чуда не произойдет. Пресса времен перестройки была результатом уникального стечения обстоятельств. Это были старые институты, получившие благодаря Горбачеву новых начальников. Это были привычные всем газеты и журна-

Энтони Горбли. Критическая масса. 1995

лы, вдруг наполнившиеся новым содержанием. Аудитория еженедельника «Огонек» и литературного ежемесячника «Новый мир» выросла в разы: «Огонек» на пике своего успеха продавал около 4 млн экземпляров, а «Новый мир» — до 2,5 млн. Эти и несколько других изданий стали «обязательным» чтением. Все, кто хоть чем-нибудь интересовался, прошли через перестроечную прессу, как через университет. В течение тех нескольких лет пресса была в Советском Союзе полноценной второй властью. Не только мы страдаем от этой иллюзии. Западные журналисты, наловчившиеся писать о катастрофических последствиях распространения Интернета для их профессии, склонны при этом превозносить глобальную сеть как средство политического про-

теста. Новые и социальные медиа — не институт. Не исключено, что в отличие от старых, они не объединяют, а разделяют общество. Каждый находит интернет-СМИ или блоггера по интересам и замыкается на своем маленьком участке сети.

Это не означает, впрочем, что на социальные медиа нужно махнуть рукой. Они, безусловно, останутся важнейшим средством обмена фактами и мнениями. Просто важно понимать, что никакого магического решения блогосфера и социальные сети не предлагают. Сколько новых возможностей они несут, столько же и новых опасностей. Сколько новых открытий, столько же и разочарований. Это такая же технология, как и прочие. Сама по себе она ничего не изменит. Изменить что-либо можем только мы сами.